

Джоанна Стингрей: «Меня не пустили на собственную свадьбу!»»

ПРОДЮСЕР, КОТОРАЯ ОТКРЫЛА
ЛЕНИНГРАДСКИЙ РОК МИРУ, — О
ПЕРВЫХ ПОЕЗДКАХ В РОССИЮ И
ВСТРЕЧАХ С БГ, КГБ И ВИКТОРОМ ЦОЕМ

текст: Денис Бояринов

*Без **Джоанны Стингрей** история русского рока была бы совсем другой. В 1984 году 24-летняя калифорнийская тусовщица на неделю приехала в СССР, познакомилась с Борисом Гребенщиковым и открыла для себя подпольный*

мир музыкантов и художников Ленинграда, в который влюбилась без памяти. Джоанна дружила с главными героями **рок-клуба**, записывала с ними песни и снимала им клипы, привозила им из Штатов одежду и инструменты, которые звучат на знаковых русских рок-альбомах. Ее фото- и видеосъемки, где смеются и дурачатся молодые и красивые Виктор Цой, Сергей Курехин, Тимур Новиков, Георгий Гурьянов и Александр Башлачев, представляют собой редкие документальные свидетельства золотой зари ленинградского рока. Главное достижение Джоанны Стингрей — спродюсированный ей сборник «Red Wave», который открыл русский рок для Запада, спровоцировав бум интереса к новой советской молодежной культуре во всем мире — в том числе и в самом Союзе.

Сейчас Джоанна Стингрей живет и работает в Лос-Анджелесе, воспитывает дочь Маддисон, рожденную от барабанщика «Центра»

Александра Васильева. В России она не была около 12 лет.

Денис Бояринов созвонился с Джоанной Стингрей и записал ее воспоминания о первом визите в СССР, в Ленинградский рок-клуб, встречах с КГБ, Цоем и Каспаряном, контрабандном сборнике «Red Wave» и свадьбе в Петропавловской крепости.

Мой отец в 1960-е снял документальный фильм «Угроза коммунизма». Это было пропагандистское кино о зловещей империи под названием СССР. У меня остались детские воспоминания о том, как он говорил мне: «Никогда не выезжай за железный занавес — это опасно» — и рассказывал всякие ужасы про Россию.

Когда я училась в старших классах, у нас планировалась поездка в СССР, но моей маме она была не по карману. Мечта поехать в Россию появилась у меня с самой юности. В 1984-м моя сестра поехала учиться в Лондон, и там у нее появилась возможность отправиться в недорогое путешествие в Союз. Она предложила мне присоединиться, и я, разумеется, согласилась. Я думала, что съезжу на неделю и больше никогда не вернусь. А вышло иначе.

Джоанна с незнакомцами во время первого приезда в СССР
© Joanna Stingray

Путешествие было разделено на две части: три с половиной дня в Москве и три с половиной — в Ленинграде. Москва была очень похожа на то, какой Россию выставляли на Западе. Было жутко холодно, все было серое, люди не улыбались — ни одного счастливого лица. Я убедилась, что никогда сюда не вернусь.

Когда я приехала в Ленинград, я стала искать Бориса (Гребенщикова. — *Ред.*). Близкий друг моей сестры, эмигрант из Союза, дал мне его

номер телефона. Я нашла Бориса и Севу Гаккеля, и за три дня они мне показали столько неожиданно веселого! Россия за закрытыми дверями была совсем другой — там смеялись, разговаривали обо всем, выпивали, играли музыку. Три с половиной дня в Ленинграде пленили меня, и я думала только о том, как бы возвращаться в СССР так часто, как это только возможно.

«Приключения Стингрей»

В рок-клубе я оказалась во время второго приезда, который случился спустя пару месяцев, тоже в 1984-м. Выступали «Аквариум», «Кино» и, кажется, «Алиса». Борис сделал так, чтобы меня провели на концерт, и попросил ни с кем не говорить по-английски, чтобы не выделяться, а после концерта зайти в гримерку к «Аквариуму». Когда я попала в рок-клуб, меня удивило, как там много людей и какие все разные. Обычно, когда приходишь на концерт или в клуб, ты видишь людей примерно одного возраста или круга. В рок-клубе все были вперемешку: молодые и очень взрослые, в костюмах и в рваных джинсах. Я помню, как я сидела в кресле и пыталась не выделяться, как ко мне подошел солидный и серьезный мужчина, которому, на мой взгляд, было не место на рок-концерте, и заговорил со мной на английском: «Вы — Джоанна, подруга Бориса». Я испугалась, что это агент КГБ, и была

с ним невежлива. А позже, во время вечеринки, Борис подошел ко мне с этим мужчиной и представил его как знаменитого русского поэта.
BG + Joanna Stingray — «I Got You Baby»

Мне очень понравился рок-клуб. Было очень много людей, сидели где попало — в креслах и на полу, всем очень нравилась музыка, люди пели, хлопали в ладоши, танцевали. Атмосфера была такой же, как на концертах в Лос-Анджелесе. Пару месяцев спустя Борис взял меня с собой в Москву на концерт «Машины времени», поскольку Макаревич был его старым другом. Разница между официальным концертом и концертом в рок-клубе была как между небом и землей. На концерте «Машины времени» все сидели чинно по креслам и как по команде хлопали между песнями. Когда в середине выступления у гитариста порвалась струна, концерт прервали, и гитарист 10 минут менял струну в полной тишине. Я спросила у Бориса, почему группа не импровизирует, почему Макаревич хотя бы не пошутит в микрофон. Он объяснил мне, что музыкантам нельзя делать ничего, что не соответствует утвержденной программе выступления.

© Joanna Stingray

Моя встреча с КГБ произошла во время первого же посещения рок-клуба. После концерта я собралась в гримерку к Борису. Внезапно я поймала на себе неприятный взгляд странного человека, который тут же смешался с толпой, шедшей на выход из зала. Когда я вышла из зала, меня схватили два человека и отвели вниз по лестнице в какую-то комнату. Они были в обычной одежде, без опознавательных знаков. Я растерялась. Они стали мне что-то говорить на русском. Я отвечала им, что не понимаю по-

русски ни слова. Они продолжали задавать вопросы на русском. После 10 минут одностороннего разговора я снова заявила им, что я американская гражданка и что им надо вызвать американского консула. Они выглядели ошарашенными. После этого они стали говорить со мной по-английски — задали несколько вопросов о том, как я попала в рок-клуб и кто дал мне билеты, и отпустили меня. Когда я вышла из рок-клуба, ко мне подошла девушка и сказала, что за мной теперь следят агенты КГБ. Что мне надо от них оторваться и только потом идти на вечеринку после концерта. Я полчаса бродила по Ленинграду, и за мной действительно ходил какой-то мужчина. Каждый раз, когда я останавливалась и оборачивалась, он тоже останавливался и делал вид, что чем-то занят. Это было очень заметно, как в комедии про шпионов, и потому смешно. Когда мужчина пропал из виду, я пошла на вечеринку в квартире на Невском проспекте, где Борис познакомил меня с Виктором Цоем и Юрием (Каспаряном).

Я думала, что съезжу на неделю и больше никогда не вернусь. А вышло иначе.

Поскольку я ездила в Россию каждые три месяца, я раздражала как КГБ, так и ФБР. Несколько раз мне довелось вести беседы с

представителями американской разведки. Когда я арендовала машину в России, меня часто останавливали милиционеры и досматривали мой автомобиль.

Многие рокеры из рок-клуба находились под наблюдением КГБ. Одним звонили и вели с ними беседы по телефону, других вызывали к себе. Рокеры вели себя по-разному: одни встречались с КГБ, другие скрывались, третьи дерзили. Борис ходил на встречи с КГБ, говорил им о том, что он просто музыкант и играет музыку. Потом он рассказывал мне, что его много расспрашивали обо мне: что это за девушка, наверное, она шпион и все такое. Меня это очень нервировало. Я предложила Борису пойти в следующий раз вместе с ним, чтобы рассказать им, что я не шпион. Когда Борис предложил это кагэбэшникам, они почему-то очень испугались: «Нет, она не должна приходить ни в коем случае».

Потом КГБ разыграл хитроумный план. Меня как американскую гражданку пригласили на беседу с двумя профессорами социологии. Беседа происходила в гостинице «Европейская».

«Профессора» встретили меня в холле и провели в приватную комнату на втором этаже, в которой стоял огромный стол, заставленный едой, черной икрой и шампанским. Потом они стали задавать мне вопросы об американской жизни. Юмор

ситуации был в том, что я знала, что они из КГБ, и они знали, что я знаю, что они из КГБ. Но они все равно продолжали разыгрывать профессоров социологии.

С Сергеем Курехиным

© Joanna Stingray

На своем первом концерте в рок-клубе я поймала на себе взгляд одного парня. У него были высветлены волосы так же, как и у меня. Когда

мы встретились взглядами, я подумала: «Боже мой, вот это чувак!» — и он тут же исчез в толпе. Когда группа «Кино» вышла на сцену — я увидела этого блондина, который мне понравился. Это был Юрий Каспарян. Мне очень понравились песни «Кино» — они были запоминающимися, я могла их напевать, даже не зная русского и не понимая смысла текстов. Виктор Цой вел себя на сцене очень уверенно — выглядел сильным, даже высокомерным. Познакомившись с ним на вечеринке, я обнаружила, что Виктор совершенно не походил на свой сценический образ — он был очень простой и скромный, спокойный и покладистый. Из всех моих друзей по рок-клубу Виктор был самым сдержанным. Борис, которого я обожаю, знал, насколько он талантлив. Костя Кинчев знал, что у него есть магнетизм, покоряющий людей. Виктор до конца не верил в то, что он талантлив. Даже после успеха фильма «Игла» Виктор повторял: «Ребята, так странно, что я нравлюсь людям». Он был очень скромный.

«Red Wave Exhibit Film»

Для «Кино» и других друзей я была Санта-Клаусом. Так однажды сказал Борис. Когда я продвигала русский рок в США, я встречалась с разными фирмами и показывала им фотографии «Аквариума», «Кино», «Алисы» и «Странных игр». На всех производило впечатление, что

советские рокеры так круто выглядят. Многие сами передавали для них вещи. Музыкальные журналы, например, подарили футболки со своими логотипами после того, как мы сделали серию интервью, посвященную выходу сборника «*Red Wave*». Я отвезла их в Ленинград. Я везла не только футболки. У меня где-то есть старые фото, на которых я готовлюсь к очередной поездке в СССР. Со мной два металлических кейса с бас-гитарами, огромный кофр с клавишными — целый музыкальный магазин. Я много всего вывезла в Ленинград, и музыканты очень это ценили.

На съемках клипа I Got You Babe

© Joanna Stingray

С директором рок-клуба Колей Михайловым поначалу у меня складывались странные отношения. Его любили музыканты. Он был душой рок-клуба. Но он подчеркнуто держался от меня на расстоянии. Я думаю, он не мог быть со мной слишком дружелюбен, потому что чувствовал, что общение со мной может навредить рок-клубу, а он старался, чтобы рок-группы выступали, не встречая сопротивления со стороны сотрудников КГБ.

Прежде чем я сама смогла выступить в рок-клубе, прошло немало времени. Первое мое выступление должно было состояться вместе с «Аквариумом». Но незадолго до концерта Борис сказал мне, что ему звонили из КГБ и предупредили, что если я выйду на сцену, то концерт остановят. Выступление не состоялось. Когда через пару недель об этом узнал Цой, он сказал, что я выйду на сцену вместе с «Кино» и ему все равно, отменят концерт или нет. Я вышла на сцену Дворца молодежи с «Кино» и впервые спела в России. Концерт не отменили. После того как я выступила с «Кино», я смогла участвовать и в других концертах. Я выступала с «Поп-механикой» и писала песни с Гребенщиковым, Курехиным, Цоем и многими другими.

«Кино» и Джоанна Стингрей. Концерт во Дворце молодежи, 1986 г.

Альбом «*Red Wave*» поначалу задумывался как

сборник песен «Аквариума». Но потом я подумала, что, раз мы впервые показываем Америке русскую рок-музыку, надо, чтобы на сборнике были разные группы. Я решила взять четыре, которые мне больше всего нравились и с музыкантами которых я общалась: «Аквариум», «Кино», «Алису» и «Странные игры». Борис со мной согласился. Эта идея была хорошей еще и потому, что группы играли разную музыку — мы показывали, что русский рок разнообразен.

Георгий Гурьянов, Виктор Цой, Сергей Курехин, Джоанна
© Joanna Stingray

Вывезти записи для сборника «*Red Wave*» было

непросто. Фонограммы были записаны на катушечных лентах — морально устаревших, больших и неудобных. Кроме того, я везла рисунки для обложек и тексты песен. Бумаги с текстами я прятала за подкладку сапог-луноходов, а пленки с фонограммами я провозила в потайном кармане своей кожаной куртки. Забавно, я везла музыку тайком, как будто я наркокурьер. Но тогда было очень страшно. Мне пришлось провозить не только фонограммы «*Red Wave*», но и видеокассеты — мы снимали клипы и хотели, чтобы их показывали на Западе. Самым безопасным был маршрут из Ленинграда через Финляндию — в ленинградском аэропорту досматривали не так тщательно, как в московском.

Клипы «Аквариума», «Кино», «Алисы» и «Странных игр» для сборника «Red Wave»

Сборник «*Red Wave*» я отнесла сначала на крупные рекорд-лейблы — *Warner* и *Capitol*. Им понравилась идея. Но дальше они спросили: «Если мы выпустим этот сборник, насколько это будет незаконно?» Они боялись судебных разбирательств и денежных исков. Поэтому мы договорились с маленьким лейблом *Big Time Records*, который не побоялся рискнуть. Сборник приняли фантастически — про него написали все газеты и журналы от мала до велика, и общественно-политические, и

музыкальные. Никому не приходило в голову, что в России есть рок-музыка и рокеры, такие же, как и во всем остальном мире. Это был другой взгляд на Россию.

На съемках «Музыкального ринга» с Юрием Каспаряном
© Joanna Stingray

Пара журналов написала, что я контрабандой вывезла фонограммы из России. Первым был *Der Spiegel*, кажется. Я им не говорила такого слова, но они написали. Когда я снова вернулась в СССР, я первым делом пошла в ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам), поскольку музыканты мне говорили, что им звонили из ВААПа и хотели, чтобы я подписала какие-то бумаги о том, что мне передаются права для издания музыки. Я пришла к ним в офис, принесла вырезки из газет и журналов с рецензиями на «*Red Wave*» и спросила, чего они хотят. Они стали меня отчитывать: ты вывезла записи нелегально, этого нельзя было делать! Долго отчитывали. Я очень разозлилась, ведь сборник прекрасно приняли — у западной прессы были только положительные отклики. В конце встречи люди из ВААПа дали мне подписать бумагу, что я это сделала без ведома музыкантов. Это, конечно же, было неправдой, но наш изначальный план с Борисом предполагал сделать меня одну ответственной за «*Red Wave*», потому что я американская гражданка, с которой власти Советского Союза ничего не смогут сделать.

Свадьба Джоанны с Юрием Каспаряном

© Joanna Stingray

Я легко согласилась на подпись, отдала ВААПу гонорар и думала, что вопрос улажен. Они мне даже предложили издать «*Red Wave*» на «Мелодии», и я, окрыленная, вернулась в Штаты готовиться к свадьбе с Юрием Каспаряном. Но вернуться мне не дали — выяснилось, что после этого визита мне запретили въезд в СССР, так что я пропустила собственную свадьбу. Причем я

ехала не одна, а вместе с семьей, большой компанией друзей и съемочной группой, которая должна была снимать свадьбу. Но меня не пустили! Свадьбу пришлось перенести. Это были ужасные, чудовищные полгода. Единственным утешением для меня были смешные рисунки Виктора Цоя, которые он мне регулярно отправлял вместе с ободряющими посланиями: «Джоанна, не волнуйся. Мы любим тебя. Скучаем. Ждем».

Joanna Stingray & Co — «Feeling»

Свадьба все равно получилась восхитительной. Официальная часть проходила в ленинградском Дворце бракосочетаний. Это было очень смешно. Я не понимала ничего из того, что говорит сотрудница Дворца бракосочетаний, и не говорила по-русски. Меня научили, что надо отвечать «Да!». Я ждала момента, когда эта женщина обратится ко мне, чтобы сказать «Да!», и волновалась, что могу произнести это не вовремя. А после официальной части была вечеринка в Петропавловской крепости. Там были все друзья — все рокеры Ленинграда и мои родители. Был большой концерт, была замечательная атмосфера — недавно я перебирала фотографии и вспоминала, какое количество крутых людей собралось на нашей свадьбе.

С Юрием Каспаряном

© Joanna Stingray

Моя музыкальная карьера, начатая в Лос-Анджелесе, состоялась в России. Мои пластинки выходили на «Мелодии», *Moroz Records* и *Fee Lee Records*. Я не помню, чтобы хоть один из этих лейблов заплатил мне гонорар — или же платили какие-то небольшие суммы в рублях, которые при обмене на доллары превращались в ничто. Мне удавалось что-то зарабатывать на телепрограмме «*Red Wave* представляет», которую я вела, — но это тоже было немного.

В 1996-м я уехала из России. Удивительно, что у меня и моей музыки остались преданные русские поклонники. Причем часто эти фанаты моложе, чем мои песни. Мне пишут девочки, которым по 14—15 лет. Для них и для всех, кто любит русский рок, я доделываю **свой сайт**, где будут выложены мои архивы — ведь у меня сохранилось большое количество фото- и видеосъемок, которые мало кто видел. В 1985—1987 годах мы снимали каждое свое движение. Эти съемки потом использовал Саша Липницкий в своих документальных фильмах о Цое и БГ. Также они были использованы в американском документальном фильме *«Free to Rock»* о том, как рок повлиял на русскую историю — от 1950-х до распада Союза. Возможно, я когда-нибудь соберусь и сделаю из своих архивов документальный фильм.

Joanna Stingray — «More Than Enough»

Я бы очень хотела приехать в Россию на празднование юбилея рок-клуба. С тех пор как я покинула Россию, я возвращалась туда однажды — в 2004-м со своей дочерью Маддисон. Это было спустя 20 лет после моего первого приезда. В тот раз Мадди вместе со мной выступала на сцене и пела «Пусть всегда будет солнце». Я мечтаю о том, чтобы вернуться, но мне трудно это сделать. Россия очень далеко, а у меня много забот. Я занята на трех работах. Дочь учится в

колледже и пишет прекрасные песни. Пишет много. Почти каждое утро Мадди говорит мне: «Мам, послушай, я написала новую песню». Возможно, она будет исполнять их сама или их будут петь другие люди. Она умна и не хочет быть знаменитостью, потому что в эпоху интернета у звезд нет ни малейшего шанса на «прайвеси». Пока мы просто записываем ее песни. Вместе. Я помогаю ей.

Сайт Джоанны Стингрей

JOANNA STINGRAY, “I WASN’T ALLOWED TO ATTEND MY OWN WEDDING!”

THE PRODUCER WHO INTRODUCED LENINGRAD ROCK TO THE WORLD – ON HER FIRST TRIPS TO RUSSIA, ON HOW SHE MET BG, THE KGB, AND VICTOR TSOI

By Denis Boyarinov

If it had not been for Joanna Stingray, the history of Russian rock would have been completely different. In 1984, this 24-year-old Californian socialite came to the USSR for a weeklong trip, met Boris Grebenshikov, discovered for herself an underground world of musicians and artists in Leningrad, and eventually fell head over hills in love with it. Joanna was friends with the lead members of the Rock Club. She would record tracks with them and shoot music videos for them. She would bring clothes and musical instruments from the States. These instruments can be heard in Russian signature rock albums. Her photos and videos of the young and handsome Victor Tsoi, Sergey Kuryokhin, Timur Novikov, Georgiy Guryanov, and Alexander Bashlachev – all goofing around – is rare documentary evidence of the golden dawn of the Leningrad rock scene. The height of Joanna Stingray’s achievement was “Red Wave,” an album she produced, which became the pioneer compilation introducing Russian rock music to the West. It also generated immense interest towards the burgeoning Soviet youth culture both at home and abroad.

Presently, Joanna Stingray lives and works in Los Angeles with her daughter Maddison, whose father is Alexander Vasilyev, the drummer from the band “Center”. Joanna has not been in Russia for around twelve years.

Denis Boyarinov contacted Joanna Stingray and recorded her recollections about her first visit to the USSR, the Leningrad Rock Club, her encounters with the KGB, Tsoi, and Kasparyan, the underground “Red Wave” album, as well as her wedding ceremony at the Peter and Paul Fortress.

In the sixties, my father produced a documentary called “The Threat of Communism.” It was propaganda against the evil empire called the USSR. I still have childhood memories of him telling me, “Never travel beyond the iron curtain. It’s dangerous,” and he would tell me scary things about Russia.

While in high school, we were planning a trip to the Soviet Union, but my mother couldn't afford it. I dreamed of traveling to Russia, even from a young age. In 1984, my sister went to study in London, where she got the opportunity to take an inexpensive trip to the Soviet Union. She suggested that I join her, and I, of course, agreed. I thought I would spend a week there and never go back. But I was wrong.

The trip was divided into two parts: three and a half days in Moscow and another three and a half days in Leningrad. Moscow was very similar to how Russia was portrayed in the West. It was extremely cold, everything was gray, people wouldn't smile – not a single happy face. I was sure that I would never go back.

After I arrived in Leningrad, I started looking for Boris [Grebenschikov]. My sister's close friend, a Soviet emigrant, gave me his phone number. I found Boris and Seva Gakel, and during those three days, they showed me an amazing time! Russia behind closed doors was completely different – people laughed, talked about everything, drank, played music... Those three and a half days in Leningrad got me hooked. All I could think about was how to come back to the Soviet Union as often as possible.

I found myself at the Rock Club during my second trip, which happened a couple of months later, also in 1984. Aquarium, Kino, and, I believe, Alisa were performing. Boris arranged for someone to take me to the concert and asked me not to speak English so that I wouldn't stand out, and to join Aquarium in the dressing room after the concert. When at the Rock Club, what struck me was that there were so many people there, and that they were all so different. When you go to a concert, usually, you see people of around the same age or from the same social circles. At the Rock Club – everyone was mixed in together – young and old, some in suits, and others in torn jeans. I remember, as I was sitting in an armchair trying not to stand out, I was approached by a serious man, full of gravitas, who, as far as I could tell, had no business being at a rock concert. He started speaking to me in English, "Are you... Joanna? Boris' friend?" I was scared that he was a KGB agent, and so I wasn't very polite. Later however, during the afterparty, Boris came up to me with the same man and introduced him to me as a famous Russian poet.

I liked it at the Rock Club. There were lots of people, sitting wherever they could, on chairs, on the floor. Everybody loved music. People sang, clapped, and danced. It felt the same as in concerts in Los Angeles. Several months later, Boris took me to Moscow with him to the Mashina Vremeni [Time Machine] concert, since Makarevich was his old friend. There was a huge difference between an official concert and a concert at the Rock Club. At the Mashina Vremeni concert, the audience was sitting in their seats, almost obediently, and, as if on cue, they applauded after each performed song. When a guitar string broke in the middle of the performance, they stopped the concert, and the guitarist spent 10 minutes replacing the string in complete silence. I asked Boris why the band isn't improvising something, why Makarevich won't even crack a joke. He explained to me that the musicians were not allowed to do anything which didn't conform to the approved version of the performance.

My first encounter with the KGB occurred right after my first visit to the Rock Club. After the concert, I started heading to Boris' dressing room. Suddenly I noticed the unpleasant stare of a strange man, who instantly vanished into the crowd, which was exiting the concert hall. When I exited the hall, two men grabbed me and took me down the stairs into a room. They were wearing civilian clothing without any recognizable markings. I was overwhelmed. They started telling me something in Russian. I responded that I didn't speak a word of Russian. They continued asking me questions in Russian. After 10 minutes of this one-way conversation, I told them again that I was an American citizen and that they needed to contact the US consul. They looked shocked. After that, they began to speak to me in English. They asked me a few questions about how I ended up at the Rock Club and who had given me a ticket. Then they let me go. When I left the Rock Club, a young woman approached me and told me that I was now being followed by the KGB. She told me that I needed to lose them before going to the afterparty. For the next half hour, I wandered the streets of Leningrad, while some guy literally followed me around. Every time I stopped and looked back, he also stopped and pretended he was busy with something. It was blatantly obvious, like in a comedy about spies, which made it funny. When I could no longer see the man, I headed for the party in an apartment on the Nevsky Prospect where Boris introduced me to Victor Tsoi and Yuri (Kasparyan).

I thought I would spend a week there and never go back, but I was wrong.

Since I was visiting Russia every three months, I started annoying both the KGB and the FBI. I was questioned several times by US intelligence. When I rented a car in Russia, the police would often stop me and search my car.

Many of the rock musicians from the Rock Club were under KGB surveillance. Some of them received calls and spoke over the phone; others were called-in to appear in person. The musicians responded differently. Some of them would meet with the KGB, some went into hiding, and some turned it into a joke. Boris used to go to meetings with KGB agents and tell them he was just a musician and that he plays music. He later told me that they were asking him a lot of questions about me. "Who's the girl? She's probably a spy," etc. It made me nervous. I suggested that I could go with him next time, to tell them that I was not a spy. When he suggested that to the KGB agents, they got frightened for some reason, and said "No, she should not come here under any circumstances."

Nonetheless, the KGB came up with a clever plan. As an American citizen, I was invited to a meeting with two Sociology professors. The meeting took place at the Evropeiskaya Hotel. The "professors" met me in the lobby and accompanied me into a private room on the second floor, where there was a huge table, overflowing with food, including black caviar, and champagne. Then they started asking me questions about life in America. The funny thing about the situation was that I knew they were from the KGB and they knew that I knew they were from the KGB. But they still continued pretending they were Sociology professors.

During my first concert at the Rock Club, I saw a guy looking at me. He had highlights in his hair like mine. When our eyes met, I thought to myself, "Oh my God, what a stud!" but he instantly disappeared in the crowd. When the band Kino came on stage, I saw this cute blond guy again. It was Yuri Kasparyan. I ended up really liking Kino's songs. They were catchy and easy to remember, and I could sing bits of them, without even knowing Russian or the meaning of the lyrics. Victor Tsoi was very confident on stage. He looked strong and even arrogant. However, meeting him at a party, I discovered that, in real life, Victor was very simple and modest, quiet and easygoing. Out of all of my friends from the Rock Club, Victor was the most reserved. Boris, whom I love dearly, realized how talented Victor was. Kostya Kinchev knew that Victor possessed a certain magnetism that drew people to him. Until the end of his life, Victor did not believe that he was talented. Even after the success of the film "The Needle," Victor would often say, "Guys, it's so strange that people like me." He was very modest.

For Kino and my other friends, I was like Santa Claus. Boris once told me that. In the course of promoting Russian rock in the United States, I met with various companies and showed them photos of Aquarium, Kino, Alisa, and Strange Games. Everyone was impressed by how cool Soviet rock artists looked. Many personally gave me things to take to them. For example, Music magazines gave us tee shirts with their logos on them after we did a series of interviews dedicated to the release of "Red Wave." I took them to Leningrad with me.

But I brought much more than just t-shirts. I have some old photos, which were taken as I was preparing for yet another trip to the USSR. I had two metal cases with bass guitars and a huge trunk with keyboards – basically, an entire music store. I brought a lot back with me to Leningrad, and the musicians really appreciated it.

Initially, I had a strange relationship with Kolya Mikhailov, the director of the Rock Club. The musicians liked him. He was the soul of the Club. But he clearly kept a distance from me. I think he couldn't be too friendly with me because he felt that interacting with me could potentially harm the Rock Club, and he worked hard to allow rock bands to perform without facing resistance from the KGB.

A fairly long time passed before I was able to perform at the Rock Club myself. My first performance was supposed to be alongside Aquarium. However, not long before the performance, Boris told me that he received a call from the KGB, and they warned him that if I performed on stage, they would stop the concert. So, that performance fell through. When Tsoi found out about it a couple of weeks later, he told me that I'd take the stage with Kino and that he didn't care whether they stopped the concert. I took the stage at the Youth Palace with Kino and sang for the first time in Russia. The concert was not cancelled. After I performed with Kino, I was able to take part in other concerts as well. I performed with Pop Mechanics and wrote songs with Grebenshikov, Kurehin, Tsoi, and many others.

The "Red Wave" album was initially planned to be a compilation of songs by Aquarium. But then I thought, since we were showcasing Russian rock music in America for the first time, that the compilation needed to include various bands. I decided to pick four of the bands I

liked and interacted with the most. These included Aquarium, Kino, Alisa, and Strange Games. Boris agreed. It was also a good idea because each band played different music, which enabled us to showcase the variety of Russian rock.

Taking recordings for the “Red Wave” album out of the country wasn’t easy. The recordings were on reel tapes, which were outdated, bulky, and inconvenient. I also took drawings for album covers and the lyrics of the songs with me. I hid the papers with the song lyrics in the lining of my moonboots. And as for the audio tapes, I would carry them in a secret pocket of my leather jacket. It’s funny, I smuggled music as though I were trafficking drugs. But at the time it was really scary. I had to smuggle not only the “Red Wave” music tapes, but also video tapes. We would shoot video clips which we hoped would be shown in the West. The safest route was from Leningrad through Finland, because the searches in the Leningrad airport were much less thorough than in Moscow.

First, I presented the “Red Wave” album to major record labels, such as Warner and Capitol. They liked the idea. But then they would ask, “If we release this album, how illegal will it be?” They feared lawsuits and claims for monetary damages. As a result, we signed with a small label, Big Time Records, which was not afraid to take the risk.

The album was extremely well-received. It was written-up in every newspaper and magazine, big and small, socio-political and music-themed publications alike. No one even suspected that Russia had rock music and rock artists just like in the rest of the world. It was a different view of Russia.

A couple of magazines wrote that I had smuggled the audio recordings out of Russia. The first was Der Spiegel, I believe. I didn’t use that word with them, but they wrote it. When I returned to the USSR, the first thing I did was to go to the AAC (All-Union Agency on Copyrights) because the musicians told me that they received calls from the AAC wanting me to sign something so that the rights to publish the music could be transferred over to me. I went to their office with newspaper and magazine clippings of reviews of “Red Wave” and asked them what they wanted. They read me the riot act, saying that I smuggled the recordings illegally, and that I shouldn’t have done it. It lasted a long time. I got really mad. After all, the album was extremely well-received, and all of the reviews in the Western press were positive. At the end of the meeting, the AAC people had me sign a paper saying that I had acted without the knowledge of the musicians. It was not true, of course, however, the plan Boris and I initially came up with entailed that, as an American citizen, I would be the only person responsible for the “Red Wave”, and the Soviet authorities wouldn’t be able to do anything about it.

I readily signed the paper, gave the AAC their royalties and considered the issue settled. They even offered to release “Red Wave” at the Melodia audio recording studio, and so I returned to the States, on cloud nine, to prepare for my wedding with Yuri Kasparyan. However, I wasn’t allowed to return to the Soviet Union. It turned out that after my visit to the AAC, the authorities banned me from reentering the Soviet Union, so I had to miss my own wedding. To make matters worse, I was not travelling alone. I was going with family, a large group of friends, and a camera crew that was supposed to film the wedding. But I

wasn't allowed in! We had to postpone the wedding. The subsequent six months were devastating. What really kept me going were Victor Tsoi's funny drawings, which he would regularly send me along with messages to cheer me up, such as, "Don't worry, Joanna. We love you, miss you and can't wait for you to come back".

Despite all of this, the wedding ended up being fantastic. The official ceremony took place at Leningrad's Matrimonial Palace. It was actually very funny. I didn't understand a single word of what the city official was saying, and did not speak a word of Russian. I was taught that I would have to say "Da!". I waited for the moment when she would turn to me for me to say "Da!" and worried that I might say it at the wrong time. After the official ceremony, we had a reception at the Peter and Paul Fortress. All of our friends were there, including all of Leningrad's rock musicians, and my parents. They put on a big concert and the atmosphere was wonderful. I was recently going through our wedding photos and thought back to how many awesome people were at our wedding.

My music career, which started in Los Angeles, really took hold in Russia. My records were released by Melodia, Moroz Records, and Fee Lee Records. I don't remember any of these labels paying me royalties. They may have paid me some small amount in rubles, but however much it was turned into pennies after the currency exchange. I was able to make a bit of money hosting "Red Wave Presents," a television program, but it was also very little.

In 1996, I left Russia. It is amazing that, even to this day, I still have loyal Russian fans. What's more, these fans are often younger than my songs. I receive letters from fourteen-to fifteen-year-old girls. For them, and for everyone who loves Russian rock, I am finishing up my website, where my archives will be posted. After all, I have a large number of photo and video recordings, which very few people have seen. From 1985-1987 we practically recorded our every move. Sasha Lipnitsky has since used these materials in his documentaries about Tsoi and Boris. They were also used in an American documentary called "Free to Rock," which is about Rock music's influence on Russian history from the 1950s until the collapse of the Soviet Union. It's possible that one day I'll put everything together into a documentary film.

I would really like to go to Russia to celebrate the Rock Club's anniversary. Since I left Russia, I've only gone back once, in 2004, with my daughter Maddison. That was 20 years after my first trip. During that trip, Maddie performed with me on stage and sang "Pust' Vsegda Budet Solntse" ("May There Always Be the Sun"). I dream about going back, but it's hard. Russia is far away, and I have many responsibilities. I work three jobs. My daughter is in college and writes wonderful songs. She writes a lot. Almost every morning, Maddie tells me, "Mom, listen to this new song I wrote." It's possible that she'll perform her songs herself, or she may give them to others to perform. She is smart and does not want to be a celebrity. These days, in the internet age, stars have no hope of privacy. For now, we are simply recording her songs. Together. I'm helping her.